

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

2015

Ответственный редактор
Н.В. ТАРАСОВА

МОСКВА НАУКА 2016

УДК 930+80
ББК 63+81
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия:

В.И. ВАСИЛЬЕВ, Н.А. МАКАРОВ, А.М. МОЛДОВАН,
Н.В. ТАРАСОВА (составитель),
В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор), В.Б. ЧЕРКАССКИЙ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Е.С. ДАНИЛКО,
доктор филологических наук, профессор Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

**Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. – М. : Наука, 2003 –
2015 / отв. ред. В.А. Тишков ; [сост. Н.В. Тарасова]. – 2016. –
ISBN 978-5-02-039211-3 (в пер.).**

В очередном выпуске трудов Отделения историко-филологических наук РАН публикуются материалы научных сессий общих собраний Отделения, посвященных актуальным проблемам в современной филологической науке (23 марта 2015 г.), междисциплинарным исследованиям в современном гуманитарном знании (15 декабря 2015 г.), а также научные сообщения на заседаниях бюро ОИФН РАН и семинара «Гуманитарные чтения». Авторы дают представление о новейших академических разработках в области языкознания, в том числе корпусной лингвистики, литературоведения, российской и всеобщей истории, антропологии, образования; рассматривают другие важные вопросы гуманитарных наук.

Для историков, филологов, искусствоведов, широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-039211-3

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2016
© Тарасова Н.В., составление, 2016
© Редакционно-издательское оформление
ФГУП «Академиздатцентр «Наука»,
2016

НАХОДКИ В ГЕОРГИЕВСКОМ СОБОРЕ
ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ:
НОВЫЕ ФРЕСКИ И НОВЫЕ НАДПИСИ

А.А. Гунтуис, Вл.В. Седов

Юрьев монастырь и сейчас принадлежит к наиболее величественным комплексам Новгорода Великого, на протяжении веков он играл значительную роль в истории и культуре средневекового города. Его монументальный собор, заложенный по заказу новгородского князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича в 1119 г. и оконченный в 1130 г., доминирует в композиции монастыря; этот храм представляет собой вершину княжеского строительства в Новгороде, что выражается и в необычных размерах основного объема лестничной башни, подчеркнутой высотности, сложности композиционной системы фасадов и организации внутреннего пространства (см. вклейку).

В 2001–2015 гг. Новгородским архитектурно-археологическим отрядом Новгородской археологической экспедиции Института археологии РАН при содействии Новгородской епархии и при поддержке РГНФ¹ в соборе проводились архитектурно-археологические раскопки, которые принесли исключительные научные результаты². Крупные архитектурно-археологические работы в интерьере памятника как будто продолжили изыскания ленинградского археолога и искусствоведа М.К. Каргера³, проведенные в западной половине собора в 1933–1935 гг., а также исторические исследования некрополя Георгиевского собора, проведенные В.Л. Яниным⁴.

¹ Гранты РГНФ: 13-01-18080е (Пантелеймоновский, Благовещенский и Воскресенский монастыри в Великом Новгороде. Археологические исследования, 2013 г.); 14-01-18073е (Юрьев и Пантелеймоновский монастыри в Великом Новгороде. Археологические исследования, 2014 г.), 15-01-18080е (Юрьев, Пантелеймоновский и Ситецкий монастыри в Великом Новгороде. Археологические исследования, 2015 г.).

² *Седов Вл.В.* Раскопки 2014 года в Новгороде принесли исключительный материал, меняющий представления о раннем этапе древнерусской живописи и письменности // *Коммерсантъ – Наука*. 2014. № 1. С. 36–38; *Седов Вл.В.* Второй раскопок в новгородском Юрьеве монастыре // *Коммерсантъ – Наука*. 2015. № 6. С. 38–39.

³ *Каргер М.К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // *Советская археология*. Вып. VIII. М., Л., 1946. С. 175–224.

⁴ *Янин В.Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 89–118.

В ходе этих новых работ, проведенных на этот раз в восточной половине храма, были открыты древние, первоначальные части церковного интерьера XII в.: каменный пол из крупных прямоугольных плит известняка, положенных на известково-цемяночную заливку, общая скамья (синтрон) с остатками епископского места в средней абсиде, три престола – по одному в каждой абсиде⁵. Кроме того, на стенах были открыты фрески с декоративными композициями: растительные орнаментальные панно и панно с изображением мраморных плит, так называемые мраморировки или полилитии⁶. Эти орнаментальные композиции были закреплены на стенах и промыты новгородским реставратором Т.К. Федоренко.

В подсыпках под поздние полы, перекрывавших пол первоначальный, были обнаружены тысячи фрагментов древней фресковой живописи, относящейся ко времени сразу после сооружения собора, т.е. к рубежу 1120–1130-х годов, и сбитой со стен во время реконструкции храма, проведенной в 1820-е годы по заказу архимандрита Фотия⁷. Среди этих фрагментов нашлись куски с ликами (рис. 1, 2), что чрезвычайно важно для суждения о стиле росписи собора; можно говорить об открытии нового памятника древнерусской настенной живописи. Эти фрагменты существенно

⁵ *Седов Вл.В., Вдовиченко М.В.* Архитектурно-археологические исследования Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 94–115; *Седов Вл.В., Вдовиченко М.В.* Георгиевский собор (часть энциклопедической статьи) // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / Сост. и науч. ред. М.И. Мильчик. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2014. С. 298; *Седов Вл.В.* Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1 (78). С. 175–185; *Седов Вл.В.* Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде Великом // Институт археологии. Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 83–85; *Седов Вл.В., Вдовиченко М.В.* Раскопки Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2014 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXIX науч. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника. Великий Новгород. 27–29 янв. 2015 г. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 98–122.

⁶ *Седов Вл.В., Кадейшвили Е.А., Вдовиченко М.В.* Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря под Великим Новгородом, открытые в ходе археологических работ 2013 г. // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 7. М.; СПб., 2014. С. 15–19; *Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Кадейшвили Е.А.* Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря (по результатам археологических работ 2014 г.) // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 8. М.; СПб., 2016. С. 11–17.

⁷ *Маслов К.И.* К истории обновления Юрьев-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л.А. Лелекова. Вып. 4. М., 1998. С. 74–90.

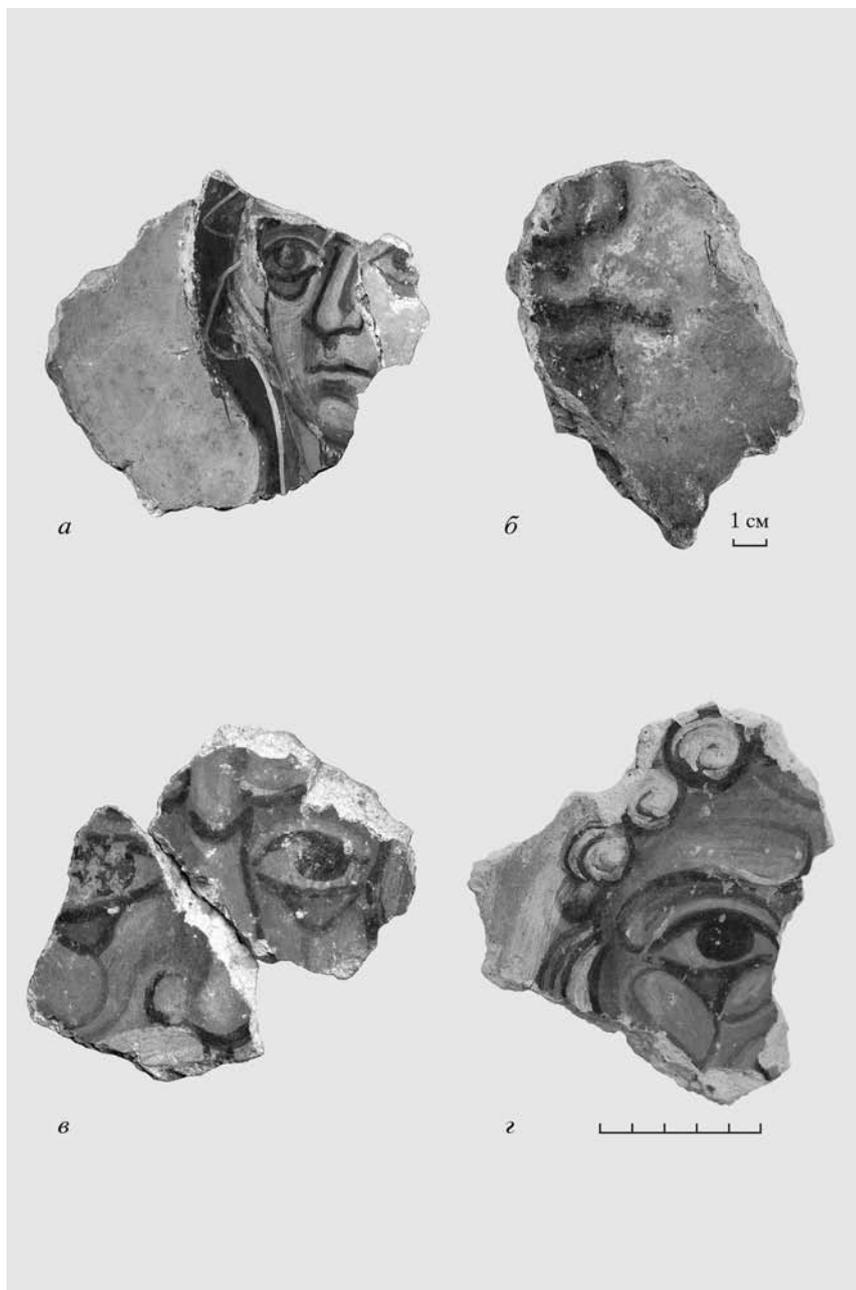

Рис. 1. Фрагменты фресок с ликами из раскопок 2014 г.

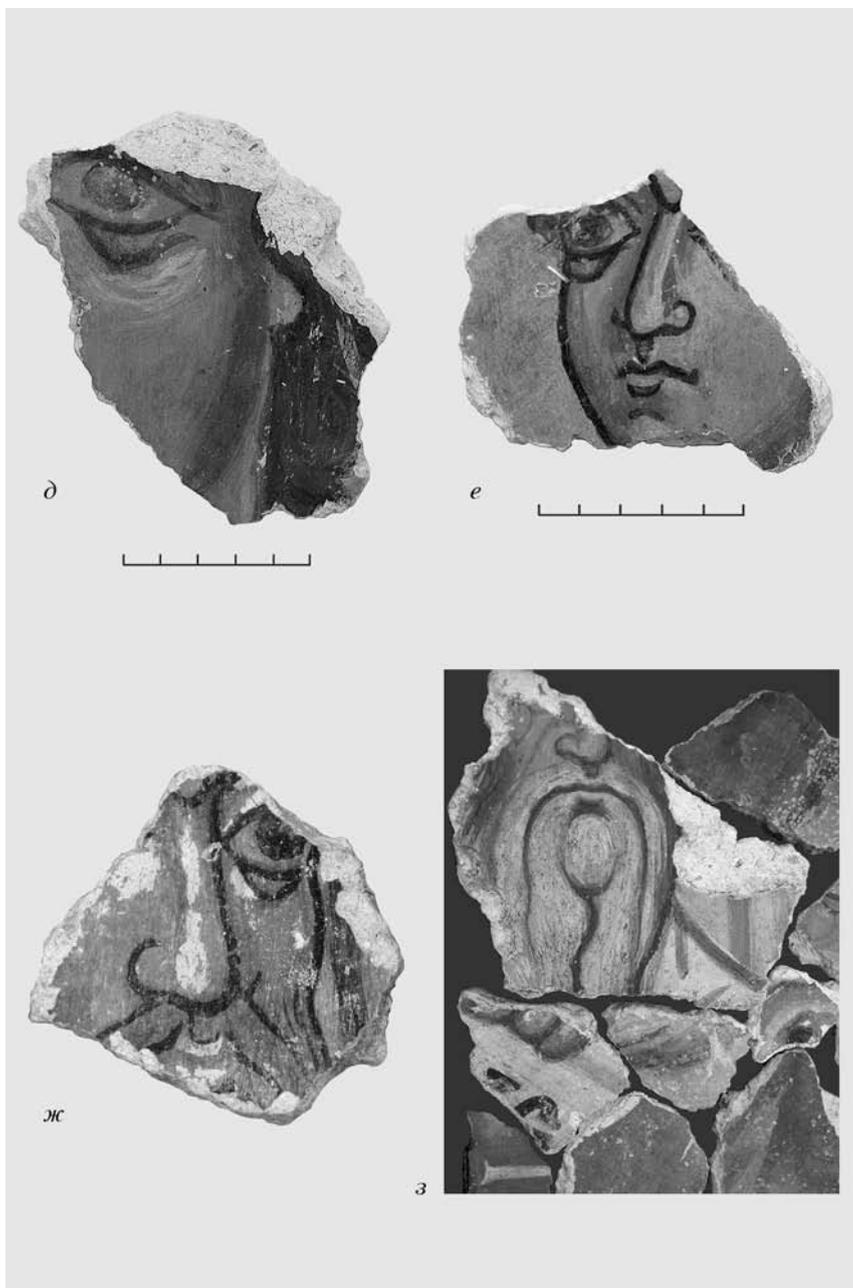

Рис. 1. Окончание

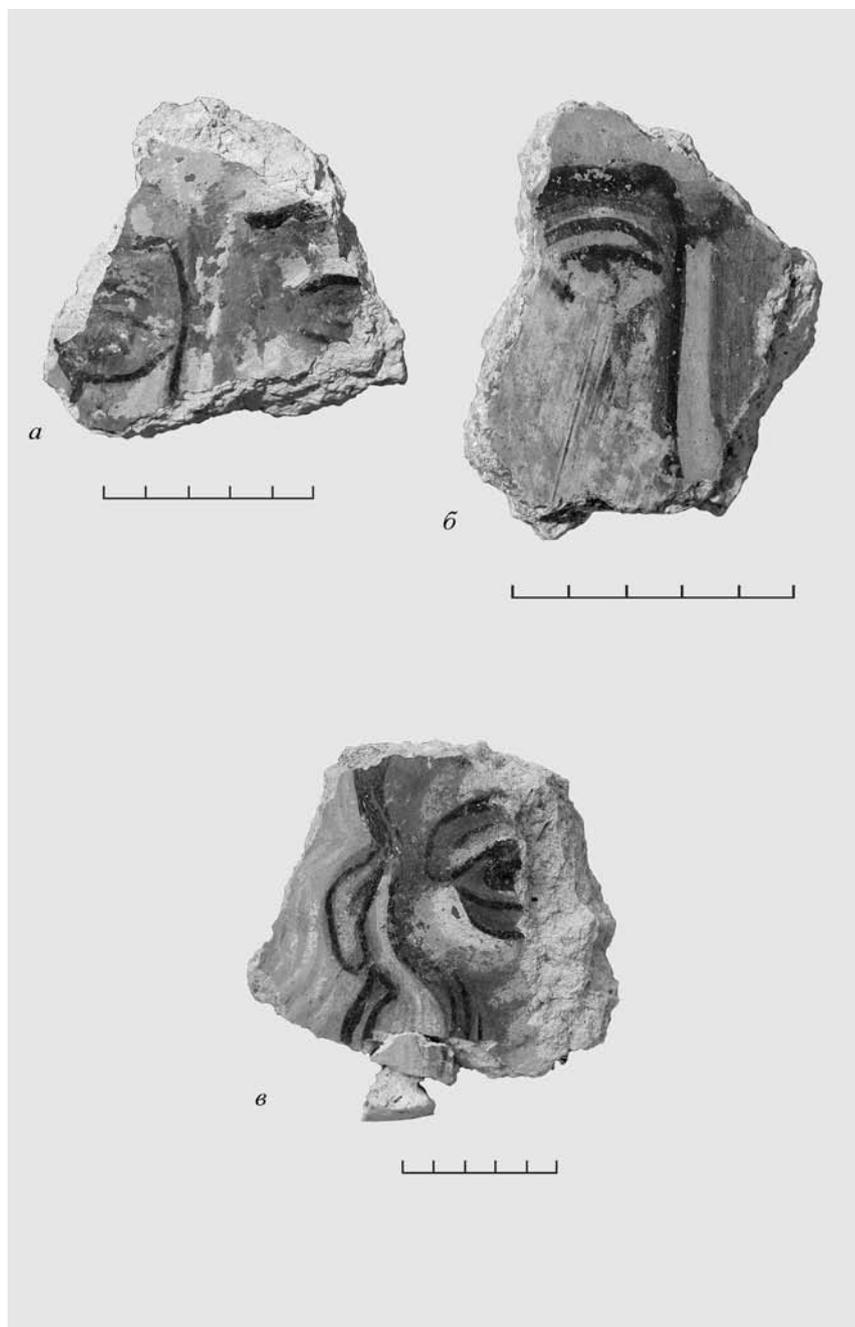

Рис. 2. Фрагменты фресок с ликами из раскопок 2015 г.

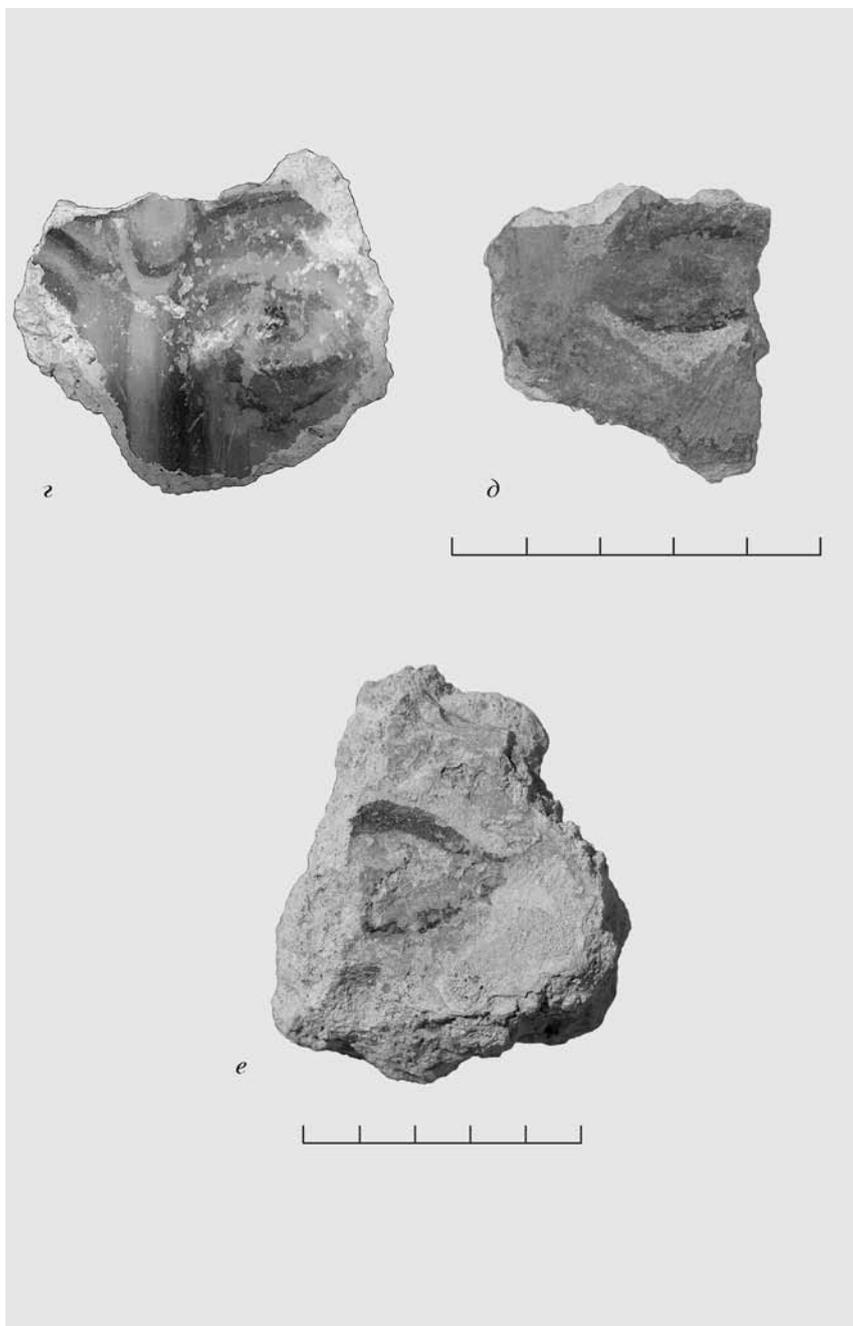

Рис. 2. Окончание

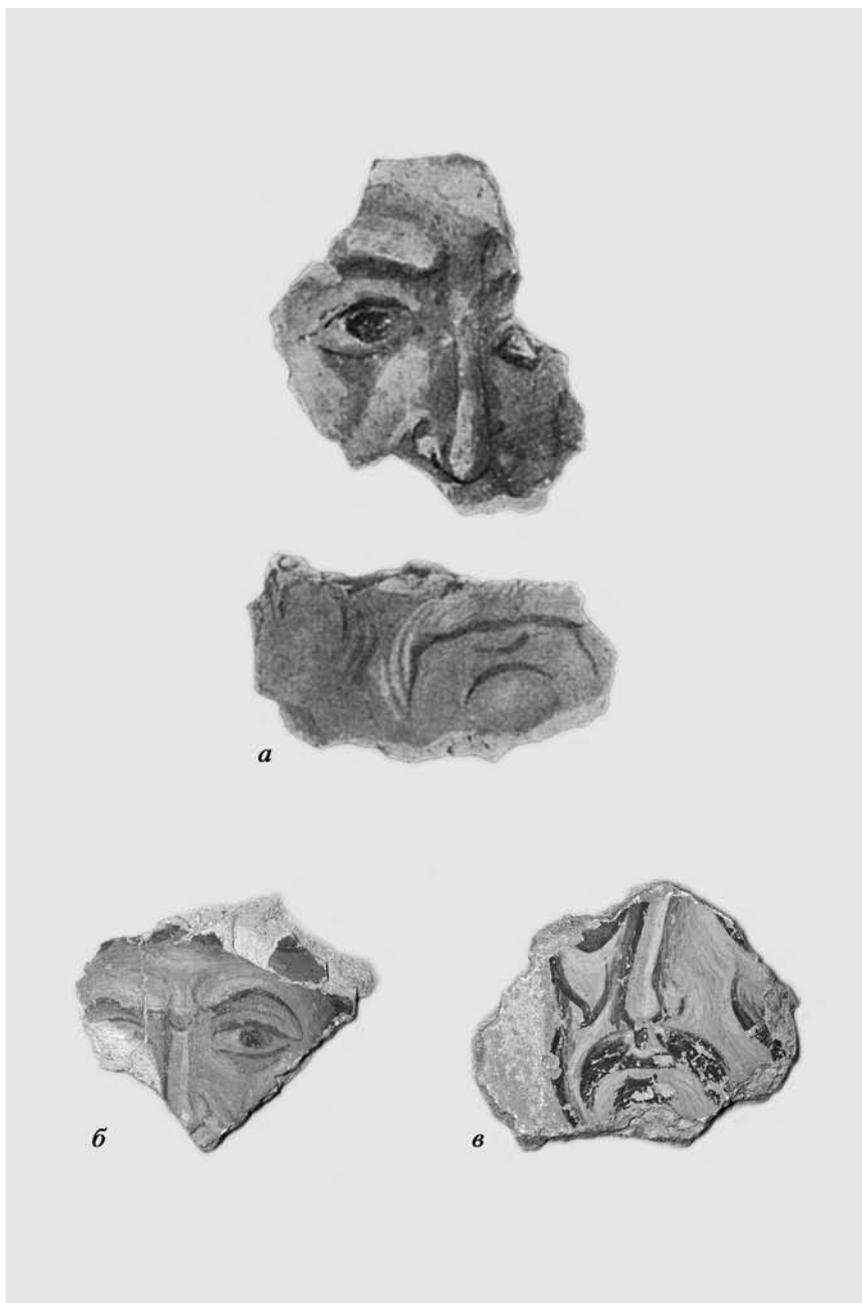

Рис. 3. Фрагменты фресок Георгиевского собора с ликами, опубликованные М.К. Каргером и В.Д. Сарабьяновым

отличаются по стилю от той росписи, которая сохранилась в лестничной башне собора⁸. Перед нами некий новый комплекс живописи, в котором превалирует дробное, графичное начало, в котором эстетизм или эстетство преобладает. О том, что роспись Георгиевского собора имеет подобный характер, уже писал на основании нескольких ранее найденных фрагментов (рис. 3) В.Д. Сарабьянов, как будто «предсказавший» находку еще многих ликов⁹.

Фрагменты фресок, найденные в процессе раскопок 2013–2014 гг., были последовательно переданы в реставрационную мастерскую Новгородского объединенного музея-заповедника, где они реставрируются и собираются в композиции под руководством Т.А. Ромашкевич. Этих фрагментов несколько десятков тысяч, так что материала для тщательной реставраторской работы хватит на несколько лет.

Мы не знаем состав композиций первоначальной настенной росписи основного объема Георгиевского собора. В северной абсиде храма на фоне открывшегося в процессе раскопок зеленого позема была обнаружена босая нога некоего святого (возможно – Иоанна Предтечи), но это все, что обнаружено на самих стенах помимо декоративных композиций. Обилие небольших ликов вроде бы говорит в пользу предположения о том, что на стенах собора, по крайней мере, в его восточной части, было множество отдельных небольших ростовых фигур святых, смотревших на зрителя, но среди этих небольших фигур должны быть и сюжетные, повествовательные композиции. Одна из таких композиций была определена еще в процессе раскопок. Первым был обнаружен лик Богородицы. Вторым ликом, который был найден во время

⁸ *Сарабьянов В.Д.* Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 365–398.

⁹ *Сарабьянов В.Д.* Фрески XII в. в основном объеме Георгиевского собора Юрьева монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1997. М., 1998. С. 232–239. В более поздней работе исследователь говорит о «великокняжеском заказе» и тяготении этой части росписи к передаче пространственности и формы. См.: *Сарабьянов В.Д.* Заказчик и стиль в древнерусских росписях XII века // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород, 2011. С. 45–46; *Он же.* О судьбе древних росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства. Материалы конф. 25–28 мая 2009 г. ГТГ. М., 2012. С. 357–356. См. также общий очерк настенной росписи Георгиевского собора, включающий как рассказ о фрагментах росписи внутри основного объема, так и подробный разбор фресок лестничной башни: *Сарабьянов В.Д.* Живопись середины 1120-х – начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2/1. Искусство 20–60-х годов XII века. М., 2012. С. 185–201.

исследования 2014 г., был лик молодой женщины без нимба, но в царской короне с жемчужным украшением. Этот довольно большой лик с монументальной трактовкой образа должен был принадлежать какой-то большой композиции. Посетившая раскопки искусствовед Т.Ю. Царевская предположила, что перед нами лик царевны Елисавы из композиции «Чудо Георгия о змие» (см. вклейку).

Приняв это предположение, мы продолжили исследование и обнаружили, что из того же места, что и лик «царевны», т.е. из южной абсиды собора, происходят еще две группы фресковых фрагментов: фрагменты с изображением синей чешуи (см. вклейку) и фрагменты с крупными белыми буквами надписи-дипинти, сделанной на синем фоне (см. вклейку). Все эти фрагменты были собраны на отдельные поддоны.

Фрагменты с изображением чешуи можно довольно точно отождествить с изображением змея: так на фреске с «Чудом св. Георгия о змие» в церкви Георгия в Ладогe (Старой Ладогe) совершенно такими же продолжающимися полукружиями передана чешуя змея или дракона. В сезон 2014 г. было найдено семь фрагментов чешуи, все они происходили из южной абсиды. В сезон 2015 г. было найдено еще пять фрагментов, но они нашлись уже в северном рукаве креста, куда были перемещены в качестве подсыпки под поздний пол.

Здесь нужно сказать о том, что стратиграфическая ситуация в южной абсиде и в северном рукаве креста (и, заметим, в подкупольном пространстве тоже) была разной. В южной абсиде фрески, судя по всему, были сбиты со стен прямо на остатки старого пола, вернее, на песчаную подсыпку и отдельные плиты приподнятого на рубеже XVII–XVIII вв. алтарного пространства: они лежат кучно, иногда большими кусками. В этой части и был найден лик «царевны», фрагменты крупной надписи и большая часть чешуи. А в северном рукаве креста собора фрески были именно выброшены, подсыпаны в качестве подготовки позднего пола, что и объясняет появление и здесь фрагментов с чешуей.

Итак, предположительный лик царевны сложился с чешуей предполагаемого дракона-змея. Для полной уверенности в том, что мы имеем дело с фрагментами композиции «Чудо Георгия о змие» нужно было обратиться к фрагментам с частями надписи. Среди этих кусков нашлось несколько крупных, из которых сложился фрагмент с буквенной последовательностью **ЕЛЕЦРЪВ**, что с высокой вероятностью интерпретируется как «(пов)еле цѣръ».

Мы попытались найти соответствие этому отрывку в тексте житийной повести о святом Георгии Победоносце и нашли соответствующее место в «Чуде Георгия о змие»: после избавления

города от змея и отсечении Георгием главы змея царь города повелел создать в честь Георгия храм, в который святой послал после окончания строительства свой щит, висевший на воздухе над святой трапезой, т.е. над престолом. Вот это место, буквально совпадающее с найденной в Георгиевском соборе надписью:

И повелѣ ц(а)рь създати ц(е)рк(о)вь въ имя преславнаго и великаго м(у)ч(е)ника и стр(а)с(т)отръпца Х(ристо)ва Геѡргіа и оукраси ц(е)рковьъ вну златом и сребромъ и каменіемъ драгомъ и повелѣ памят(ь) его творити м(ѣ)с(я)ца апріліа в 23 д(е)нь¹⁰.

Такая надпись прямо подходит к сцене «Чудо Георгия о змие», мало того, она находилась выше престола, который размещался, как выяснилось в процессе раскопок, в боковой южной абсиде собора. То есть, было некое пространственное соответствие между надписью, рассказывающей о чудесно висевшем над престолом щите святого Георгия, и расположением самой надписи и той композиции, которую она поясняла, над престолом соборного придела.

Следует еще раз сказать, что в Ладогe в монастырском храме св. Георгия сцена «Чудо Георгия о змие» расположена в южной боковой абсиде. Здесь тоже имелась надпись в несколько строк, но она практически полностью исчезла, сохранилось только ее поле. Кроме композиции с Чудом в этой же абсиде было еще, по крайней мере, две композиции¹¹. Следует думать, что и в Георгиевском соборе Юрьева монастыря кроме сцены с чудом были и другие композиции. Об этом говорит наличие среди фрагментов поясняющих надписей по крайней мере трех с упоминанием имени Георгия: (СТ)ГО ГЕ..., ГЕОРЬ..., ...ЕО... Справедливости ради нужно заметить, что и фрагмент со словами (пов)еле цѣрь мог, теоретически, относиться не только к «Чуду о змие», но и к какому-то другому изображению георгиевского цикла.

Более того, мы можем предположить, что в монастырском храме в Ладогe само место композиции с чудом и других композиций – в южной абсиде, а также сама иконография композиции была выбрана с равнением на образец, в качестве которого выступила роспись южной абсиды Георгиевского собора, выполненная на несколько десятилетий ранее.

Не менее масштабные результаты раскопки 2014 г. дали для эпиграфики Великого Новгорода. Десятки обнаруженных фраг-

¹⁰ Великие Минеи Четии. Апрель / Памятники славяно-русской письменности, изданные Императорскою археографическою комиссіею. Т. I. Тетрадь III. Дни 22–30. М., 1915. С. 61.

¹¹ *Сарабянов В.Д.* Иконографическая программа фресок Георгиевской церкви и система росписи древнерусских храмов середины – второй половины XII века // Церковь Георгия в Старой Ладогe. М., 2002. С. 176–182.

ментов фресковой росписи несут на себе буквы, отдельные слова, а иногда и более крупные части надписей-граффити, среди которых имеются надписи, представляющие значительный исторический и культурный интерес. Одну из них, самую большую, сложившуюся из 30 фрагментов, мы уже недавно опубликовали¹².

Фрагменты этой надписи нашлись в юго-восточной части алтарного пространства собора, у подножия восточного фронта юго-восточного столба, в проходе из средней абсиды в южную боковую абсиду (см. вклейку). В надписи говорится о смерти двух княжичей, Ростислава и Изяслава Ярославичей, и об их погребении в соборе Юрьева монастыря.

В настоящий момент надпись читается так:

... (ню)на въ к̅ прѣстависа князь (Р)[ос]тисл(авъ) ...
 ... (благо)чѣстиваго (и) боголюбига к(н)азѣ Аро...
 ... е[г]о Изасла(в)ъ прѣстависа мѣца ию...
 ...нѣ въ кня(ж)ени своем[ъ] на Лука(хъ) ...
 ...со--цинь-- привезоша и в[ъ]лож(иша) ...
 ... (ѣ)[г]аг[о] Ге(о)ргиа въ еї днѣ пр(и) архи...
 ... (благо)[ц]ьс[г]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н]...
 ...аг(о) Саватиа а даи има Бѣ оупо...
 ... с[ѣ]ми своими и мо[ли]та Бѣа ...

С добавлением недостающих частей слов и наиболее вероятными конъектурами текст граффито – самой пространной из новгородских надписей XI–XIII вв. – реконструируется следующим образом:

(Мѣца ию)на въ к̅ прѣстависа князь (Р)[ос]тисл(авъ сынъ)
 (благо)чѣстиваго (и) боголюбига к(н)азѣ Аро(слава)
 (а сынъ) е[г]о Изасла(в)ъ прѣстависа мѣца ию--
 (въ – днѣ) въ кня(ж)ени своем[ъ] на Лука(хъ)
 ----со--цинь-- привезоша и в[ъ]лож(иша -)
 (въ гробъ оу ѣ)[г]аг[о] Ге(о)ргиа въ еї днѣ пр(и) архи(епискоупѣ бл҃го)[ц]ьс[г]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н](ьство)
 (боголюбив)аг(о) Саватиа а даи има Бѣ оупо(коение)
 (вѣчное съ) с[ѣ]ми своими и мо[ли]та Бѣа (за ны)

В Новгородской 1-й летописи (далее – НПЛ) событие, о котором рассказывает надпись из Юрьева монастыря, описано так:

Въ лѣто 6706 [1198]. Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бѣше посаженъ на Лукахъ княжити и от Литвы оплечье Новгороду, и тамо преставися; а Ростиславъ Новѣгородѣ; и оба положена у святого Георгия въ манастыри¹³.

¹² Гунтуис А.А., Седов В.В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. Москва; Вологда, 2015. С. 478–490.

¹³ Новгородская 1-я летопись. С. 44. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ).

Летопись сохранила и годы рождения умерших княжичей: Изяслав, в крещении Михаил, родился в 1190 г., а Ростислав – в 1193 г.¹⁴; таким образом, в момент смерти старшему было восемь, а младшему пять лет.

В отличие от летописи, сообщающей лишь, что княжичи умерли весной, надпись называла и даты их кончин. Из нее мы узнаем, что Ростислав умер 20 июня. Об Изяславе мы знаем, что он умер в июне или в июле (от названия месяца сохранились лишь первые две буквы) и был погребен 15-го числа. Если это произошло в июле, то ошибочным оказывается указание летописи на весну как время смерти княжичей, а также последовательность, в которой она сообщает об их кончинах. Если же имеется в виду июнь, приходится допускать, что в композиции надписи сообщение о смерти Изяслава, умершего первым, было перемещено на вторую позицию. Логика такого перемещения можно, впрочем, понять: в отличие от Ростислава, Изяслав умер, занимая собственный княжеский стол («в своем княжении»), в связи с чем сообщение о его погребении оформлено с особой обстоятельностью, плавно перетекая в заключающее надпись молитвословие.

Особую значимость сообщаемые надписью даты приобретают по той причине, что со смертью сыновей Ярослава Владимировича в литературе традиционно связывается строительство церкви Спаса-Преображения на Нередице. Известие о закладке храма 8 июня следует в Новгородской первой летописи сразу за сообщением о кончине княжичей и их погребении в Юрьеве монастыре. Считается, что именно это событие явилось поводом к основанию церкви. Между тем, из надписи мы теперь точно знаем, что Ростислав умер, а Изяслав был погребен уже после 8 июня. В свете этой информации исторический контекст основания Нередицкой церкви приходится пересмотреть: по-видимому, строительство храма заранее планировалось Ярославом Владимировичем как акт политического самоутверждения, но, по роковому стечению обстоятельств, его начало было омрачено трагедией в княжеской семье.

Предваряя полную публикацию найденных надписей, кратко охарактеризуем другие тексты, представляющие наибольший историко-культурный интерес.

Блок фресковой штукатурки, на котором сохранилась надпись 1198 г., содержит, помимо нее, еще два важных текста (см. вклейку). В его верхней части, справа читается надпись:

**(Въ лѣто) шесть(т)ы[с]я[ш]ъное | [·ψ]м̄· (6740) преста[в]исл (а)
[рхи]|епискѹпо О[н]тони на сѣи Пе[ла]гид.**

¹⁴ НПЛ. С. 39, 41.

Архиепископ Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович – один из главных деятелей церковной истории Новгорода первой трети XIII в. и автор знаменитого описания паломничества в Царьград, отразившего состояние византийской столицы накануне ее разорения Четвертым крестовым походом. Согласно летописи, Антоний умер 8 октября 1232 (6740) г.¹⁵ Память св. Пелагеи приходится на эту дату.

Левее записи о смерти Антония видны окончания четырех строк еще одного граффито: ...[Ѣ]ста |...[г]оро | ...[а]гоуста| ...
ѣг-апо. Этот, казалось бы, жалкий остаток текста оказывается при ближайшем рассмотрении на редкость информативным. С учетом содержания соседних надписей слово в первой строке уверенно восстанавливается как пр[Ѣ]ста(виса). Во второй строке можно предположить (нов)[г]оро(дски); в третьей читается название месяца, в четвертой – фрагмент указания «святочной» даты: (на) сѣго апо(стола)... Надпись сообщала о смерти лица, умершего в августе, на память одного из апостолов. Поиск соответствующей информации в Новгородской первой летописи сразу же приносит результат. Под 1199 г. летопись сообщает:

Въ лѣто 6707 [1199]. Приславъ Всѣволодь, выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ себе; а из Новагорода позва владыку и посадника Мирощку и вячшии мужи по сынъ. И яко быша на озѣре Серегери, **преставися** рабъ божи архиепископъ **новгородскыи** Мартурии мѣсяця **августа** въ 24, на **святого апостола** Варфоломея; и привезоша и, положиша и въ притворе святыя София¹⁶.

Можно уверенно утверждать, что надпись сообщала о смерти архиепископа Мартирия, за год до своей кончины участвовавшего в погребении сыновей Ярослава Владимировича.

В непосредственной близости от уже рассмотренных надписей находилось, по-видимому, двустрочное граффито (рис. 4), от которого сохранился следующий текст: (М)ѣа ма[и](а ... на память) сѣаго ... (п)ръстависа ра(бъ Бѣжи)| Митро[ѳ](ань)... Соседство с надписями о кончинах архиепископов Мартирия и Антония наводит на мысль: не идет ли речь об архиепископе Митрофане, умершем в 1223 г.? Однако этот новгородский владыка скончался, согласно летописи, 3 июля, на память святого Иакинфа¹⁷. Следовательно, имеется в виду другой Митрофан, и можно предположить, какой именно. Под 6714 (1206) г. летопись сообщает:

¹⁵ НПЛ. С. 72.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 44.

¹⁷ НПЛ. С. 61.

Рис. 4. Надпись о смерти Митрофана
(предположительно – посадника Михалка Степанича). 1206 г.

Прѣставися рабъ божи Митрофанъ, а мирскы Михалько, постригъся у святѣи Богородици въ Аркажи манастири мая въ 18, посадникъ новгородскыи¹⁸.

Предводитель боярского клана с Прусской улицы Михалко Степанич был одной из ключевых фигур в истории Новгорода конца XII – начала XIII в.

Аналогичным образом, на основе небольшого фрагмента реконструируется содержание еще одного граффито, от которого сохранились фрагменты шести строк (см. вклейку): ...ис[▲]... | ...дри[т]... | ...тѣмъ се... | ...авле сѣ... | ...хавъар[х]... | ...намын... Главную опору для реконструкции дает последовательность **дрит** во второй строке, явно содержавшей слово *архимандритъ*. В первой строке читалось, конечно же, (*престав*)ис[▲]. Из фрагмента третьей строки видно, что кончина архимандрита случилась на память нескольких святых: **сѣмъ се...** (на *се ...* могло начинаться имя одного из святых, географическое определение, например, *севастискимъ*, или числительное *семи*). В четвертой строке слово, заканчивавшееся на ...авле, могло быть лишь притяжательным прилагательным от княжеского имени на -славъ; с большой вероятностью здесь можно предполагать конструкцию типа (*въ княжение Свято*)славле сѣн(а *Ольгова*).

Как известно, титул «архимандрит новгородский» носил с конца XII в. игумен Юрьева монастыря. До середины XIV в. Новгородская

¹⁸ НПЛ. С. 50.

летопись сообщает о смерти четырех новгородских архимандритов: Савватия (1194), Саввы (1226), Варлаама (1270) и Лаврентия (1338). Последний умер во время «разратья» Новгорода с Иваном Даниловичем и может быть исключен. В годы кончин Савватия, Саввы и Варлаама новгородский стол занимали князья по имени Ярослав – Владимирович, Всеволодович и Ярославич, что делает данный признак нерелевантным. Даты смерти Савватия и Варлаама в летописи отсутствуют. Между тем, о смерти Саввы она сообщает подробно, и это сообщение представляет для нас большой интерес.

Тои же зимѣ въвѣдоша съ Хутина от святого Спаса Арсѣνια игумена, мужа кротка и смирена, князь Ярослав, владыка Спуридонъ и всь Новгородъ, и даша игуменьство у святого Георгия; а Саву лишиша, посадиша и въ келии; и разболеся, лежавъ 6 недѣль, и прѣставися марта въ 15, въ суботу предъ обѣднейо¹⁹.

15 марта отмечается память св. мученика Агапия и с ним шести мучеников, т.е. *семи святых*. Это делает очень значительной вероятность того, что надпись сообщает именно о смерти бывшего юрьевского игумена, новгородского архимандрита Саввы, незадолго до своей кончины отрешенного от должности.

Описанные в летописи драматические обстоятельства смещения Саввы и замены его княжеским ставленником Арсением вполне могли быть отражены в окончании надписи. В пятой строке опознается: **(при)ахавъ ар[х](иепископъ)**. Не сообщала ли надпись о предшествовавшем кончине Саввы приезде архиепископа Спиридона, в коде которого владыка сместил старого и поставил нового игумена? Для последней строки в таком случае мыслима реконструкция **(постави Арсени)[а намъ н](а мѣстѣ его)**. Ср. летописные формулировки в статье 1194 г.:

Въ то же лѣто прѣставися игумень Дионисии святого Георгия, и *поставиша на мѣстѣ его* Саватию. Тои же зиме преставися игумень Герасимъ у святыя Богородици въ Аркажи монастыри, и *поставиша на мѣстѣ его* Панькратия попина²⁰.

С личностью архиепископа Спиридона есть основания связать надпись, от которой сохранились, с небольшими утратами, заключительные пять строк (см. вклейку): ... **мног[а] (е)му| (лѣ)та исполни | (е)[м]у Бѣ добра | (а с)лужиле у св[а] (та)го Георгия**. Надпись заканчивалась пожеланием многолетия человеку, о котором сказано, что он «служил у святого Георгия». Такое благопожелание возможно, как кажется, в единственной ситуации – если лицо, о котором идет

¹⁹ НПЛ. С. 70.

²⁰ НПЛ. С. 41.

речь, оставило свою службу в Георгиевском соборе для более высокой церковной должности. Именно это произошло в 1229 г., когда новгородскую кафедру занял Спиридон, служивший до того дьяконом в Юрьеве монастыре. Вот как описывает его избрание летопись:

Томъ же лѣтъ рече князь Михайль: “се у васъ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцѣ; оже богъ казнь свою възложилъ на Онтонія, а вы сочите таковаго мужа въ попѣхъ ли, в ѡгуменехъ ли, въ черенцихъ ли”. И рекоша нѣкотории князю: “есть чьрньць дьяконъ у святого Георгия, именьмъ Спиридонъ, достоинъ есть того”; а инии Осафа, епископа володимирьскаго велыньскаго, а друзи Грьцина: “кого дасть митрополитъ, тотъ намъ отецъ”. И рече князь Михайль: “да положишь 3 жрѣбья, да которыи богъ дастъ намъ”. И положиша на святѣи тряпѣзѣ, имена написавшѣ, и послаша из гридьницѣ владыщне княжиця Ростислава; изволи богъ служителя себе и пастуха словесьныхъ овчѣ Новугороду и всѣи области его, и выяся Спуридонъ. И послаша по нь въ манастырь и, приведше, посадиша и въ дворѣ, дондеже поиде Киеву ставиться²¹.

Можно думать, что именно в этот момент в соборе была сделана надпись, зафиксировавшая столь важное для монастыря событие, как избрание из числа его монахов новгородского владыки.

Рассмотренные выше тексты представляют собой разрозненные записи поминального и исторического содержания, не образующие единой последовательности, но делавшиеся время от времени разными лицами, хотя, безусловно, не без санкции монастырских властей. Между тем, в том же пространстве южной абсиды находился и эпиграфический текст, который без всяких преувеличений может быть назван летописным. Фрагменты этой эпиграфической летописи обнаруживаются на трех обломках фресковой штукатурки красного цвета со слегка скругленной поверхностью. Эти фрагменты (ниже обозначенные литерами А, В, С) очевидно, находились один под другим на углу северной стены южной абсиды и прохода в центральную абсиду собора (см. вклейку). Сохранившиеся на них записи были сделаны одним почерком. Взаимное расположение фрагментов реконструируется следующим:

[А]	... (к)ъ Рости(славъ) ...ь¹⁰ по Свят(ослава)... [с а ем(ъ) ...
[В]	... сепь(табра на пам)ть ст̄(го м̄че ник)а Вачесла ва. (Въ лѣт̄ 66)68 [1160]. Сьго (рѣ ст̄аа) Троица (весь)нѣ на п(а мат)ъ Възн(есе)ниа м̄ца м(аиа) въ 25, при (к)на зи Мьстис(лавъ Ростисла(в)ици Гюрге(въ) вьн̄цѣ въ (еп)иск̄ (пство) Арка (диево).

²¹ НПЛ. С. 68.

[С] (сѣ)ѣи Бѣи (въ) ...ъ цистоѣ н(едѣлѣ) (Въ л)ѣ ^г 6671 [1163]. П(реста) висѣ рабѣ (Бѣи Га) врило мѣц(а маѣ) въ 11 въ суб(отѣ) панतिकостьнѣ ю и поло- жиш(а и въ црѣ)кѣви сѣ--- ----ѣ у цѣ---
-----	---

Сохранившаяся наиболее полно запись о пожаре «святой Троицы» (фрагмент В) не находит соответствия в НПЛ. Единственная Троицкая церковь, известная в Новгороде в XII в. – на Радятине улице в Людине конце, впервые упоминается в 1165 г., когда она была построена. За пять лет до этого мог сгореть находившийся на том же месте более древний деревянный храм. С другой стороны, надпись может сообщать о пожаре Троицкого собора во Пскове, основанного Всеволодом-Гавриилом Мстиславичем около 1138 г. До строительства церкви Троицы на Радятине улице, он мог восприниматься как единственная «святая Троица» в Новгородской епархии. Упоминание в надписи имен князя и епископа делает эту версию вполне вероятной: по отношению к рядовому новгородскому храму такая торжественность кажется избыточной.

Первое княжение в Новгороде Мстислава Ростиславича продолжалось, согласно НПЛ, почти год: заняв стол 21 июня 1160 (6668) г., он был выведен в июне 1161 (6669) г., «седевѣшю ему годъ до года без недѣлѣ»²². Поскольку НПЛ в это время последовательно придерживается мартовского года, пожар 25 мая мог иметь место лишь в 1161 г. Годовая дата надписи, таким образом, на год отстает от мартовской.

Датированная 6671 (1163) г. смерть некоего Гавриила (фрагмент С) не была отмечена новгородской владычной летописью; под этим годом НПЛ сообщает только о кончине епископа Аркадия. Примечательно, однако, что статья НПЛ 6670 г. содержит известие о смерти Олексы, игумена «святой Богородицы», т.е., очевидно, Успенского монастыря в Аркажах. Не это ли событие зафиксировала запись, предшествовавшая статье 6671 г. нашей эпиграфической летописи? Она сообщала о событии, случившемся (или акте, совершенном) «у святой Богородицы» в один из дней Чистой недели.

Фрагмент А содержит обрывки имен князей Ростислава и Святослава. Это сочетание хорошо подходит для 6669 (1161) мартовского года, в июне которого новгородский стол во второй раз занял Святослав Ростиславич. НПЛ, в уже цитированной статье, сообщает об этом так:

²² НПЛ. С. 31.

Уладися Ростислав съ Андрѣемь о Новѣгородѣ, и вѣвѣдоста Мъстислава, Гюргевь вѣнукъ, седевьшю ему годъ до года без недѣлѣ, а Святослава вѣвѣдоша опять на всѣи воли его, септября въ 28²³.

Запись в эпитафической летописи могла сообщать об отправке из Новгорода посольства в Смоленск «къ Ростиславу» «по Святослава» и приходе Святослава в Новгород. (Ср. формулировку известия о вокняжении другого Святослава Ростиславича под 6726 г.: «Новгородци же послашася Смольнску по Святослава по Ростиславици, и приде в Новѣгородѣ мѣсяца августа въ 1»²⁴).

Казалось бы, фрагмент А должен был располагаться на стене между фрагментами В и С. Такая реконструкция, однако, наталкивается на следующее препятствие. 28 сентября, в день прихода в Новгород Святослава Ростиславича, празднуется память св. Вячеслава Чешского. Именно эта «святочная» дата выступит в окончании записи, сделанной выше записи 6668 г. о пожаре церкви св. Троицы. Крайне маловероятно, чтобы это совпадение было случайным. Приходится признать, таким образом, что записи в нашей эпитафической летописи не следовали одна за другой в строгом хронологическом порядке, располагались на стене хотя и компактно, но несколько бессистемно. В пользу этого говорит и остаток еще одной записи тем же почерком, видимый слева на фрагменте В, на уровне середины записи о пожаре Троицкой церкви.

Реконструируемый таким образом фрагмент настенной летописи Юрьева монастыря представляет собой древнейший дошедший в оригинале комплекс русских летописных записей. Но значение его определяется не только этим. Данный фрагмент занимает вполне определенное место в истории новгородского летописания. Согласно современному представлению об этой истории, старейший, Синодальный список НПЛ, древнейшая часть которого датируется 30-ми годами XIII в., связан по своему происхождению с Юрьевым монастырем²⁵. Возникновение его протографа датируется временем около 1167 г., когда в монастыре появился список с непрерывно ведущейся владычной летописи. Наш эпитафический летописчик охватывает годы, непосредственно предшествующие этому моменту. Он является свидетельством того интереса к летописной работе, который спустя несколько лет вылился в обзаведение Юрьевым монастырем собственной пергаменной летописью.

Своеобразие эпитафического комплекса Георгиевского собора, обнаруженного раскопками 2014 г., наиболее выпукло выступает

²³ НПЛ. С. 31.

²⁴ НПЛ. С. 58.

²⁵ *Гунпиус А.А.* К истории сложения Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 28–34.

при сопоставлении его с надписями Софийского собора. Как уже было сказано, большая часть новооткрытых надписей происходит из южной абсиды и прохода из нее в центральную абсиду. Замечательно, что и в Софийском соборе соответствующие поверхности стен (доступные в раскопах Г.М. Штендера 1970-х годов) являются местом наибольшей концентрации надписей, будучи почти сплошь покрыты граффити. Но по своему характеру эти комплексы глубоко различны. В Софийском соборе мы имеем дело с продуктами спонтанной письменной активности отдельных индивидов – именами, монограммами, молитвенными формулами, обрывками литургических текстов и др. То же можно сказать и о надписях в лестничной башне Георгиевского собора, некоторые из которых были опубликованы Т.В. Рождественской²⁶. В алтарной же части храма эпиграфическая активность носила совсем иной, по преимуществу официальный характер. Нанесение надписей здесь явно регламентировалось распоряжениями монастырских властей – только этим можно объяснить полное преобладание среди них текстов поминального и летописного характера. По причинам, о которых можно только догадываться, одни и те же компартименты кафедрального и монастырского соборов демонстрируют два разных лика древнерусской эпиграфики.

Впрочем, официальный характер обнаруженного эпиграфического комплекса не следует абсолютизировать. Наряду с надписями, подобными приведенным выше, он включает и образцы «спонтанной» эпиграфики. Одним из них мы и закончим эти заметки. Надпись, заключенная в прямоугольную рамку, сохранилась с утратами, но, за исключением последнего слова, уверенно восстанавливается: **Гїи, сїси грѣ|(ш)ьна(г)о!+ |(Ох)ъ м(ъ)нѣ |-----ѸмѸ!** Последнее слово было явно прилагательное (грѣшнѸмѸ? оканьѸмѸ?). Подобного рода сокрушенные вздохи в древнерусской эпиграфике – не редкость. Уникально, однако, продолжение, которое получил этот текст. Справа, на оставшемся внутри рамки свободном месте, другой рукой приписано ироническое восклицание: **Охъ же|е тебе| хоче|ть бы|ти!** («Ох и будет же тебе!») (см. вклейку).

Можно надеяться, что продолжение раскопок и дальнейшая обработка фрагментов, найденных в 2014–2015 гг., принесут еще немало интересных дополнений как к художественной, так и к эпиграфической составляющей открытого комплекса.

²⁶ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 48–71; *Она же.* «О, тому умети грамоте!..» (Надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., 2008. С. 780–788.